

Фидлер Ф.Ф. Литературные силуэты. Гл. VII.
Лесков // Новое слово. СПб., 1914. № 8. С. 33–
36.

Литературное Синодъ.

Очеркъ Ф. Ф. Фидлера.

VII.

Н. С. Лѣсковъ.

Встрѣчался я съ авторомъ «Соборящъ» уже въ 1889 г., у Я. П. Полонскаго и П. А. Лейкина, но познакомиться съ нимъ мѣшала мнѣ моя робость предъ его суровой внѣшностью: строгій, пронзительный взглядъ его сверкавшихъ глазъ, его самоувѣренныя сужденія и властный голосъ. Чѣмъ-то гнетущимъ дышала эта мощная фигура,—и, одновременно, неотразимо привлекала къ себѣ. Чувствовалась сложная душа при неукратимомъ темпераментѣ.

Да и знакомство наше меня порядкомъ напугало. Состоялось оно 19-го ноября 1890 г. на вечерѣ у издательницы дѣтскаго журнала «Игрушечка», Александры Николаевны Пѣшковой-Толивѣровой. Николай Семеновичъ прочелъ намъ свою великолѣпную сатиру-сказку «Царь - доброхотъ и три старца». Затѣмъ, во время ужина, онъ сообщилъ намъ подробно содержаніе письма князя Хилкова къ Льву Толстому, гдѣ крошечному чудодѣю указывалось его надлежащее мѣсто... Толстой, очевидно, раздѣляетъ мнѣніе Хилкова объ отцѣ Іоаннѣ?—спросилъ я негромко своего сосѣда. Но Лѣсковъ все же услышалъ мой вопросъ. «Да»,—отвѣтилъ онъ медленно, черезъ столъ, фиксируя меня инквизиторскимъ взглядомъ, и вдругъ гнѣвно воскрикнулъ, почти закричалъ: «Да вы христіанинъ, или нѣтъ?»—«Гм... дада...»,—замаялся я.—«Нѣтъ, вы не христіанинъ, а то бы вы знали, что священное писаніе разрѣшаетъ называть отцомъ толь-

ко Бога и родного отца!»—«Я употребилъ слово «отецъ», такъ - сказать, въ кавычкахъ, какъ пом de gneffe!»—думалъ я оправдаться. Но Лѣсковъ не унимался. «Вотъ такъ христіанинъ! И къ тому же, судя по фамиліи,—лютеранинъ! Отецъ! Ха-ха!». За столомъ царилъ неловкое, тяжелое молчаніе. Я старался незамѣтно встать и, едва ступая и весь съежившись, будто я былъ обидчикомъ, а не обиженымъ, направился въ сосѣдную комнату. Поднялись и другіе. И вдругъ я, удрученно и тупо глазѣвшій въ окно, почувствовалъ, какъ кто-то меня сзади взялъ за руку.

Около меня стоялъ Лѣсковъ. Лицо его значительно потеряло свое обычное суровое выраженіе и голосъ его звучалъ почти мягко: «Ужъ вы меня простите! Я васъ не хотѣлъ обидѣть. Знаете, нервы мои!..». Я облегченно вздохнулъ и отвѣтилъ на его рукопожатіе... Завязался общій разговоръ на тему о «Царѣ Доброхотѣ». Было высказано опасеніе, что ни одинъ журналъ не рѣшится напечатать эту сатиру по цензурнымъ условіямъ... Но уже черезъ недѣлю стало извѣстнымъ, что рукопись приобретена «Русскимъ Обозрѣніемъ» за шестьсотъ рублей т. е. по четыреста рублей съ листа. (Въ числѣшихъ Лѣскова, изд. Маркса, сказка вошла въ 29 томъ, подъ заглавіемъ «Часть воли Божіей»).

23-го апрѣля 1892 года я былъ у Лѣскова. Жилъ онъ на Фурштатской, д. 50, кв. 4, подъ воротами направо, въ первомъ этажѣ, окнами на улицу. Съ

поумисломъ я оставившись въ его кабинетѣ, не зная, куда взглянуть. Я находилъ въ цѣломъ музеѣ раритетовъ, въ родѣ того, какими не безъ основанія гордился покойный К. К. Случевскій: направо и налево, сверху до низу—старыя картины и старинныя образы, оружія, статуэтки, часы-журанты, фоліанты и всевозможныя курьезы, вплоть до «зуба Бориса и Глѣба» (какъ шутилъ Атава-Терингоревъ) — въ такомъ изобиліи и въ такой нагроможденности, что взоръ терялся, не будучи въ состояніи фиксировать отдѣльные предметы... Гдѣ-то теперь эта «кустекamera»? Неужели ее постигла печальная участь богатѣйшей коллекціи К. К. Случевского? Неужели оправдались слова Пашкалая Семетовича, сказанныя имъ А. И. Фаресову («Противъ теченія», стр. 119): «Умру—все это пойдетъ мажлакамъ на толкучку!»?

Мнѣ навстрѣчу порывисто замаяла грустная фигура въ сѣромъ халатѣ, похожій на подрашникъ, и, безъ слова привѣтствія, пожала мнѣ руку. Въ эту минуту мое вниманіе невольно было приковано къ одному портрету въ рамкѣ. Лѣсковъ это замѣтилъ и быстро заговорилъ: «Да, да, это онъ, Фридрихъ III, вашъ кейзеръ!»—«Мой? Почему мой?»—«Вѣдь вы же нѣмецъ!»—«Я русский подданный, какъ отецъ мой и дѣдъ.—«Ну, все равно!.. Да, это онъ... Потому что онъ, можетъ быть, единственныи императоръ, котораго я люблю и уважаю. Вотъ постоянный монархъ-мученикъ! Сколько благородства и героизма было въ этомъ человѣкѣ! Онъ былъ не отъ міра сего и не для міра сего, а потому ушелъ изъ міра сего. Да и что бы ему было дѣлать среди его презрѣнныхъ современниковъ?».

Онъ прилежъ на длинное мягкое складное кресло около окна, подтянулъ ноги, на которыхъ тотчасъ расположились Бутка и Шерри—крошечные бѣлоснѣжные пуделя, —и началъ жаловаться на приступы ангины и удушья. Я посоветовала ему велосипедъ. «Нѣтъ, это мнѣ не поможетъ. Въѣтъ болѣзнь моя не столько физическаго, сколько нравственнаго происхожденія. Развѣ можетъ человѣкъ остаться здоровымъ, если онъ всю свою жизнь былъ предметомъ литературной травли и ему, на старости лѣтъ, запрещаютъ шестой томъ его сочиненій? А травили меня такъ, какъ можетъ травить только русская критика: упорно, слѣпо, сознательно несправедливо и безпощадно!.. А писатель, вѣдь, безъ того страдаетъ, самъ собою!.. И онъ долженъ страдать! Чѣмъ сильнѣе онъ страдаетъ, тѣмъ одухотвореннѣе становится его творчество. Мнѣ

тѣмъ писатель всегда мучиликъ своего таланта, своихъ идей... Сто разъ я давала себѣ зарокъ, больше ничего не писать. Но писатель—какъ кающаяся блудница: сидитъ она весь день сокрушенная въ своей комнатѣ и скромно занимается рукодѣліемъ; но какъ только зажглись уличные фонари, —непреодолимая сила влечетъ ее спознать тротуаръ! Такъ и рука писателя неудержимо тянется къ перу... Охъ, литература! Русская литература! Русский литераторъ! Вотъ бы издали книгу своихъ стихотворныхъ переводовъ подъ заглавіемъ «Russischer Parnass». Русский Парнассъ! Смѣшно!.. Извольте, я исполню вашу просьбу: напишу вамъ!»

Онъ быстро поднялся, подошелъ къ письменному столу, открылъ мой толстый альбомъ автографовъ и написалъ:

«В. О. Фидлеръ хорошо дѣлаетъ, что запомнить европейцевъ съ русскими поэтами, но онъ не хорошо сдѣлалъ, что назвалъ книгу «Русскій Парнассъ», ибо Парнасса у насъ нѣтъ, а самая фантастическая изъ русскихъ горъ есть Лысая гора. Да худо и то, что въ этой книгѣ не переведены самый основной русский народный гимнъ: «Ты фассукинъ сынъ комаринскій мужикъ».

И что тебѣ, пѣмчинъ, вина!»

(Замѣчу встать, что слова «пѣмчинъ» у Даля и въ третьемъ изданіи не встрѣчается и что русскіе писатели, читая эту записку, ставили въ словѣ «пѣмчинъ» удареніе то на первомъ, то на послѣднемъ слогѣ).

Затѣмъ, Лѣсковъ заговорилъ о Фофановѣ: «Это поэтъ съ головы до ногъ, непосредственный, безъ выдумокъ и дѣланности. Онъ творитъ даже противъ воли. Но и пьетъ, можетъ быть, противъ воли. Страшно пить, какъ теперь въ рѣдкость, но, какъ пивали мы, когда-то: цѣлый компаніей до безчувствія; просыпаясь, находили себя въ комнатѣ на кровати, на диванѣ, на голомъ полу, безъ подушекъ, безъ одеяла, —одѣтыми, полуодѣтыми и совершенно раздѣтыми, съ головой на чужихъ ногахъ. Страшное было время!.. Да... А Фофанова отучить отъ его страсти можетъ только опредѣленное ежедневное занятіе. Я какъ-то предложилъ Суворину дать ему мѣсто въ его книгоиздательствѣ или магазинѣ, но дѣло, почему-то, не сладилось... Вотъ его женили, при содѣйствіи, кажется, Рѣпина... А что сдѣлала его жена? Во время его пребыванія въ лѣчебницѣ, она продала его письменный столъ и книги, и приобрѣла піанино, на которомъ музицируетъ!.. Нѣтъ, лучший бракъ для писателя, въ особенности для поэта, —забвѣнное сожителство съ

дѣлушкой изъ народа, неграмотной крестьянкой, чтобы оба шли своей дорогой, я не мѣшали бы другъ другу дѣлать свое дѣло... А Фофановъ кончить трагически».

Сказавъ эту послѣднюю фразу пророческимъ тономъ и завелъ разговоръ на темныя и чуждыя для меня, мистическія темы. Говорилъ онъ горячо, съ глубокимъ убѣжденіемъ вѣрующаго мистика, мимоходомъ, ѣдко высмѣивая «попа Ивана Кронштадтскаго»... Говорилъ онъ еще долго, стоя предо мной въ передней. Полусерьезно, полуплутливо онъ обмолвился афоризмомъ: «Пощечина имѣетъ культивирующее значеніе»... Про одну писательницу, известную своей полиандріей, онъ сказалъ, что она и ея ноги напоминаютъ триптихъ... О романахъ Михайлова-Шеллера онъ выразился: «Это—не романы, а художественныя компиляціи»... О стихотвореніяхъ В. Л. Велички: «Онъ профанируетъ поэзію! Воспѣвая сильныхъ міра сего, онъ хочетъ сдѣлать себѣ карьеру въ чиновничьей сферѣ!» (При этихъ словахъ я вспомнилъ, что, годъ тому назадъ, видѣлъ у Велички книги Лѣскова съ автографомъ, — чѣмъ «восточный» поэтъ очнь гордился).

Въ литературныхъ кругахъ передавали слѣдующее:

Въ бытность свою членомъ учебнаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, Лѣсковъ написалъ рассказъ, гдѣ фигурируетъ попъ, неволью оскверняющій алтарь. Тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, И. Д. Деляновъ, замѣтилъ автору, что послѣ такого рассказа, ему неудобно продолжать службу; тутъ же онъ ему далъ добрый совѣтъ, подать въ отставку; въ противномъ случаѣ, его придется уволить по третьему пункту. Лѣсковъ отказался отъ подачи прошенія объ увольненіи, предпочитая получить волежій паспортъ. По почему же?—недоумѣвалъ Деляновъ.—«А я тутъ имѣю въ виду и свой и—вашъ пекрологъ!»—отвѣтилъ оскорбленный писатель... И Лѣсковъ былъ уволенъ по третьему пункту.

О запальчивости и раздражительности Лѣскова рассказывали: однажды, на вечеринкѣ у П. А. Гайдебурова, Лѣсковъ, при всѣхъ гостяхъ, назвалъ критика А. М. Скабичевскаго «осломъ въ шорахъ». Послѣдствій инцидентъ этотъ не имѣлъ, такъ какъ Александръ Михайловичъ ограничился отвѣтомъ, сказаннымъ тихимъ, обиженымъ тономъ: «Теперь я больше никогда у васъ не буду!».

О необузданномъ, садистическомъ темпераментѣ Лѣскова на сексуальной почвѣ ходили среди писателей чудовищныя слухи. И ихъ здѣсь не приведу, такъ какъ никто не былъ свидѣтелемъ того или другого «факта»; всѣ говорили только: «говарятъ»... По воть, что мнѣ рассказывалъ всѣми уважаемый докторъ Ж., никогда не говорящій неправды даже въ шутку. Обѣдалъ онъ, какъ-то, съ Лѣсковымъ у Атавы-Терпигорева на Черной Рѣчкѣ. За кофе съ ликеромъ Николай Семесовичъ мечтательно замѣтилъ: «Какой-то кесарь засыпалъ своихъ гостей розами, такъ что они подъ ними задохнулись. Я также, вѣроятно, задохнусь. Но не отъ розъ... А хотѣлъ бы я, чтобы на меня сыпались женскія сердца... сотнями, тысячами... красныя, горячія... Я валялся бы среди нихъ, цѣловалъ бы ихъ въ засосъ, разрывалъ бы ихъ пальцами, грызъ бы зубами, и задохнулся бы отъ сладострастія!».

Въ началѣ ноября 1892 года въ Петербургъ пріѣзжалъ на нѣсколько дней А. П. Чеховъ. У больного Лѣскова онъ нашелъ порокъ сердца и неправильную дѣятельность почекъ. — Опасно это? — спросилъ я Антона Павловича. «Да; жить ему осталось не больше года».

Но Чеховъ ошибся: умеръ Лѣсковъ только въ 1895 году. Во время похоронъ послѣдняя его воля была исполнена не вполне. Покойный писатель завѣщалъ «погребсти тѣло самымъ скромнымъ и дешевымъ порядкомъ, при посредствѣ «Бюро погребальныхъ процессій», по самому низшему, послѣднему разряду». Однако, разрядъ этотъ былъ едва-ли самымъ низшимъ, такъ какъ гробъ былъ дубовый, везли его двѣ лошади и сопровождали четыре факельщика. Правда, вѣнковъ было немного: всего восемь... «На похоронахъ моихъ прошу никакихъ рѣчей обо мнѣ не говорить. Я знаю, что во мнѣ было очень много дурного и что я никакихъ похвалъ и сожалѣній не заслуживаю. Кто захочетъ порицать меня, тотъ долженъ знать, что я и самъ себя порицалъ»... И дѣйствительно: на могилѣ не было произнесено ни одной рѣчи. Присутствовали на похоронахъ, м. пр.: К. К. Случевскій, Д. С. Мережковский, С. В. Максимовъ, Вас. Ив. Пемировичъ-Данченко, Владимиръ С. Соловьевъ, Н. А. Лейкинъ, Д. Л. Мордовцевъ и др. Послѣдній рассказывалъ, что Лѣсковъ неоднократно выражалъ желаніе быть похороненнымъ не въ гробу, а, завернутымъ въ саванъ, прямо въ землю, гдѣ-нибудь въ степи, такъ, чтобы плугъ

прошелъ по мѣсту его послѣдняго упоко-
вѣн... На металлической лентѣ вѣнка отъ
одной популярной газеты было написано:
«Н. С. Лѣскову». На разстояніи двухъ-
трехъ шаговъ ясно можно было различить
сцарапанныя перочиннымъ ножкомъ бук-
вы «НН».

VIII.

А. М. Жемчужниковъ.

Представленъ я былъ, въ качествѣ пере-
водчика Кольцова, Алексѣю Михайловичу
15-го декабря 1884 г. на семейномъ лите-
ратурномъ вечерѣ у основательницы и па-
чальницы известной женской гимназіи,
гнягини Александры Алексѣевны Оболен-
ской (которой А. М. приходился зятемъ).
Читалъ онъ свою «Сказку о глупомъ бѣсѣ
и мудромъ патріотѣ», изъ которой всѣмъ
присутствовавшимъ особенно понравилась
пятая глава. Узнавъ отъ меня, что я пере-
велъ его «Восторгомъ святымъ пламени»,
поэтъ попросилъ меня написать ему нѣ-
мецкую версію,—что я тутъ же сдѣлалъ,—
и остался ею доволенъ.

Вновь я увидѣлъ его только чрезъ два
съ половиной года, въ концѣ іюня 1887 г.,
и также у кн. Оболенской, на ея «Красной
Мызѣ», у озера Рескнярви въ Финляндіи.
Во время обѣда онъ мастерски рассказы-
валъ юмористическіе эпизоды изъ своей и
своего брата Владиміра жизни. А вечеромъ
онъ продекламировалъ съ большимъ чув-
ствомъ «Какъ будто все всѣмъ надоѣло», и
написалъ мнѣ эту пьесу, съ просьбой пере-
вести ее.

Посѣтилъ я его въ апрѣлѣ 1888 г. Жилъ
онъ тогда на углу Надеждинской и нынѣш-
ней улицы Жуковского. Было половина двѣ-
надцатаго. Онъ только-что всталъ и при-
нялъ меня въ халатѣ, въ гостиной, вся
меблировка и обстановка которой дышала
стариннымъ изысканнымъ аристократиз-
момъ. Да и самъ онъ всегда являлъ типъ
барина въ непредвзвѣдномъ смыслѣ
этого слова: статный и красивый, мягкій
въ движеніяхъ и выраженіяхъ, благород-
ный въ мысляхъ и чувствахъ, и пѣсколько
снбаритски томно-усталый. Я попросилъ его
о краткихъ біографическихъ датахъ для за-
думанной мною антологіи «Der russische
Gagnass», но онъ отвѣтилъ: «Право, я даже
не знаю точно, въ которомъ году я родился.
Все вы найдете въ сборникѣ Гербея».—У
него очень часто встрѣчаются неточности и
ошибки. Такъ, напримѣръ, не указавъ день
и мѣсяцъ вашего рожденія.—«Если не
ошибаюсь,—10-го февраля... Да, да, деся-

таго». — 1822 года? — «Нѣтъ, кажется,
21-го... да, 21-го».

12-го апрѣля 1888 года я получилъ отъ
него слѣдующее письмо:

«Многоуважаемый Федоръ Федоровичъ,
я захворалъ на третій день послѣ того, какъ
имѣлъ удовольствіе съ вами свидѣться. Мнѣ
лучше; но я еще не выхожу изъ дому. При-
ходится отсрочить мой визитъ къ вамъ. А
такъ какъ, между тѣмъ, время проходить,
то я рѣшился послать на ваше благоулю-
блѣніе 4 прилагаемыхъ при семъ стихотво-
реній. Можетъ быть, они вамъ пригодятся,
чтобы полнѣе представить на судъ читате-
лей мою скромную музу. А то она показет-
ся ужъ слишкомъ худенькою съ двумя об-
разчиками своей изобрѣтательности,—хотя
эти образчики, можетъ быть, и вытравятъ
въ вашемъ нѣмецкомъ переводѣ. Покорнѣй-
ше васъ прошу упомянуть въ вашемъ біо-
графическомъ очеркѣ, что до сихъ поръ мои
довольно многочисленные стихотворенія не
собранны въ едино и отдѣльные, полные
изданіемъ не выходили. За послѣднее время
я ихъ печаталъ въ «Отечественныхъ За-
пискахъ» подъ редакціей Некрасова, а по-
слѣ прекращенія этого журнала—въ «Вѣст-
никѣ Европы»... Жму вашу руку и прошу
передать мое почтеніе вашей супругѣ. На-
дѣюсь вскорѣ быть у васъ и поднести вамъ
полное собраніе сочиненій Козьмы Прутова
и мою фотографію, которую вы любезно
желалие отъ меня получить. Пре-
данный вамъ

Алексѣй Жемчужниковъ».

«Какъ странно: известному поэту подъ
семьдесятъ лѣтъ, сорокъ лѣтъ онъ писалъ,
—а все еще не издалъ сборника своихъ
стихотвореній! Какъ онъ отсталъ отъ совре-
менниковъ!»—подумалъ я.

Стихотворенія, приложенныя къ этому
письму, слѣдующія: «Осенніе журавли»,
«Въ театрѣ» («О, добрый Моцартъ»), «О
томъ, какъ шастъ судьба влечетъ» и «Вече-
рняя заря» («Была пора уборки хлѣба»).
Очевидно, поэтъ считалъ эти пьесы самыми
для себя характерными.

Прошло двѣнадцать лѣтъ, во время кото-
рыхъ мы не встрѣчались, такъ какъ Але-
ксѣй Михайловичъ жилъ почти безвыѣдно
въ провинціи. И вотъ, 16-го февраля 1900
года я зашелъ къ нему (Троицкая, 8, кв.
16), чтобы дополнительно поздравить его съ
пятидесятилѣтнимъ юбилеемъ его литератур-
ной дѣятельности. Онъ былъ очень бодръ,
какъ тѣломъ, такъ и духомъ. Поразила меня
его память: онъ помнилъ всѣ подробности